ИСТОРІЯ ПОПЫТОКЪ

КЪ СОЕДИНЕНІЮ ЦЕРКВЕЙ

ГРЕЧЕСКОЙ И ЛАТИНСКОЙ

ВЪ ПЕРВЫЕ ЧЕТЫРЕ ВѢКА ПО ИХЪ РАЗДѢЛЕНІИ

А. Катанскаго

Милому моему Дядюшкѣ Ѳедору Гер
симовичу Г. Елсонскому
отъ автора
1868 года
Рент. 5.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
Печатано въ типографіи Департамента Удѣловъ. Литейный просп., № 39
1868

Извлечено изъ журнала «Христіанское Чтеніе» за 1867 и 1868 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стран.

Причины, подготовившія раздѣленіе церквей греческой и латинской 1

Церковно-историческое значеніе попытокъ къ соединенію церквей и раздѣленіе исторіи этихъ попытокъ въ первые четыре вѣка по раздѣленіи церквей 29

ЧАСТЬ I.

ГЛАВА I. **Состояніе вопроса о соединеніи церквей въ первые полтора вѣка по ихъ раздѣленіи** (съ пол. XI до нач. XIII в.)

Значеніе этого періода времени для исторіи попытокъ къ церковной уніи 33

Усиленіе религіозно-національной непріязни въ народныхъ массахъ востока и запада особенно во время крест. походовъ . —

Обстоятельства, сближавшія востокъ и западъ несмотря на ихъ взаимную антипатію и характеръ сношеній этого времени по вопросу о соединеніи церквей 42

Сношенія востока и запада—передъ началомъ крест. походовъ 44

— во время перваго и втораго крест. походовъ 49

— и около третьяго крестон. похода 66

Отношеніе греч. духовенства того времени къ вопросу объ уніи 72

ГЛАВА II. **Попытки къ соединенію церквей со времени взятія латинянами константинополя и во время латинскаго господства въ восточной имперіи** (въ перв. полов. XIII стол.)

Сходство этого періода времени съ предъидущимъ въ общемъ направленіи событій. Наибольшее развитіе національно-религіозной непріязни между латинянами и греками въ это время. 75

Завоеваніе константинополя латинянами, какъ попытка запада рѣшить вопросъ о соединеніи церквей силою оружія; крайняя несостоятельность этой попытки и ея слѣдствія для вопроса о церковной уніи 78

Причины и характеръ сношеній между греками и латинянами во времена существованія латинской имперіи 93

Религіозно-политическія сношенія греческихъ владѣтелей остатковъ византійской имперіи съ западомъ — до тридцатыхъ годовъ XIII стол. 94

— съ тридцатыхъ годовъ: соборы въ Никеѣ и Нимфеѣ и другія сношенія запада и востока 98

Отношеніе восточнаго духовенства этого времени къ вопросу объ уніи и характеристика Влеммида. 113

Стран·

Заключеніе первой части: общая характеристика 200-лѣтняго періода—отъ раздѣленія церквей до Ліонской уніи 116

ЧАСТЬ II.

Характеристика втораго 200-лѣтняго періода — отъ Ліонскаго собора до паденія восточной имперіи; перемѣна въ характерѣ отношеній греч. востока къ вопросу объ уніи; отношеніе запада къ этому вопросу 118

ГЛАВА I. **Ліонская унія** (посл. полов. XIII стол.)

Характеръ ея и сравненіе съ Флорентинской. 124
Первый ея періодъ. Характеръ перваго ея періода; постоянныя сношенія имп. М. Палеолога съ западомъ и подготовленіе имъ греч. духовенства къ уніи 127
Второй періодъ. Ліонскій соборъ и смуты въ греческой церкви: редакція духовенства и народа противъ уніи; малочисленность приверженцевъ уніи; призрачность соединенія; разрывъ латинской церкви съ уніатами 138
Третій періодъ,—періодъ возвращенія къ прежнему положенію дѣлъ до уніи. Дѣйствія крайнихъ противниковъ уніи преимущественно монаховъ противъ дѣйствительныхъ и мнимыхъ поборниковъ уніи: эпитиміи на духовенство и народъ; соборы на главныхъ защитниковъ уніи; гоненія на послѣднихъ. Продолженіе волненій въ греч. церкви: споры объ исхожденіи св. Духа; новый соборъ. Возобновленіе литературной полемики между главными защитниками уніи и ея противниками. 171
Характеристика Векка, главнаго защитника уніи 184

ГЛАВА II. **Попытки къ соединенію церквей между Ліонской уніей и Флорентинскимъ соборомъ** (въ XIV стол. и въ началѣ XV)

Состояніе вопроса объ уніи на западѣ и востокѣ въ это время: совершенное устраненіе себя греческимъ духовенствомъ отъ участія въ рѣшеніи этого вопроса; безучастіе къ нему народныхъ массъ западныхъ и восточныхъ въ означенное время . 190
Сношенія греч. императоровъ съ французск. и неаполитанск. дворами и Авиньонскими папами,—въ первую полов. XIV ст. 195
Оживленіе этихъ сношеній между греч. императорами, тѣсними со стороны турокъ и папами, дѣлающими попытки возвратиться изъ Авиньона въ Римъ, — въ перв. четверть втор. полов. XIV ст. 217
Ослабленіе сношеній между византійскими императорами, данниками турокъ и римскими папами во время великаго раскола въ римской церкви, — въ послѣд. четверть XIV ст. и въ началѣ XV. 233

Очеркъ Флорентинской уніи (въ перв. полов. XV ст.).

Главнѣйшія ея событія; характеръ ея и сравненіе съ Ліонской. 236
Заключеніе. — Взглядъ на всѣ вышеизложенныя попытки къ соединенію церквей 432

Вопросъ о соединеніи церквей принадлежитъ къ числу тѣхъ вопросовъ, которые такъ медленно разъясняются, что проходятъ цѣлые вѣка прежде, чѣмъ они хоть нѣсколько приблизятся къ своему рѣшенію или по крайней мѣрѣ вступятъ въ тотъ фазисъ развитія, который незамѣтнымъ образомъ приближаетъ ихъ къ окончанію. Не смотря на всю медленность своего развитія въ теченіи 8 вѣковъ этотъ вопросъ двинулся однако на столько, что въ настоящее время можно уже подмѣтить нѣсколько фазисовъ въ его развитіи. Именно, по нашему мнѣнію, онъ прошелъ два періода, и въ настоящее время для него наступаетъ третій. Изъ вопроса, рѣшаемаго оффиціальнымъ путемъ правительствами и духовенствомъ той и другой стороны посредствомъ обоюдныхъ договоровъ словесныхъ и сдѣлокъ на бумагѣ, онъ превращается—около времени реформаціи съ паденіемъ греческой имперіи, съ умноженіемъ различныхъ орденовъ въ западной церкви, въ особенности съ появленіемъ іезуитскаго ордена и другихъ близкихъ

къ нему по духу, — въ вопросъ рѣшаемый въ средѣ народныхъ массъ средствами нравственными по преимуществу, и только въ рѣдкихъ случаяхъ оффиціальными. Начинается ловкая, по большей части замаскированная пропаганда съ одной стороны, и глухая борьба народныхъ массъ—съ другой. Но такъ какъ ни оффиціальныя сдѣлки во время существованія греческой восточной имперіи, ни нравственное, хотя и весьма ловкое, насиліе въ средѣ новыхъ православныхъ народностей, по преимуществу славянскаго племени, не привели къ давно ожидаемому единенію церквей, то въ настоящее время къ рѣшенію этого вопроса хотятъ итти по иному совершенно новому пути. Вопросъ переходитъ въ область науки. За его рѣшеніе берется наука, надѣясь, что своимъ безпристрастіемъ она съумѣетъ умиротворить церковь Христову, что она найдетъ чистую истину, которая привлечетъ къ себѣ всѣ христіанскія общества. На западѣ образуются даже общества, по преимуществу людей ученыхъ съ цѣлію примиренія вѣроисповѣданій. Наука о вѣроисповѣданіяхъ изъ полемическаго богословія превращается въ примирительное (ириническое (1). Таково положеніе вопроса въ настоящее время, послѣ осьми вѣковъ со времени его появленія.

Мы избрали для своего очерка первые четыре вѣка, когда вопросъ только что появился и былъ въ первомъ періодѣ своего развитія, когда онъ рѣшался по пре-

---

(1) Увѣнчается ли эта новая попытка доставить церкви миръ желаннымъ успѣхомъ, мы находимъ несвоевременнымъ разсуждать объ этомъ здѣсь, а отсылаемъ читателя къ нашей статьѣ, помѣщенной въ „Прав. Обозр." за 1865 г. янв. и февр. подъ загл. „Вопросъ о соединеніи церквей", гдѣ читатель найдетъ и подробную характеристику различныхъ періодовъ развитія этого вопроса.

нуществу на православномъ греческомъ востокѣ и когда еще существовала греческая восточная имперія.

Прежде чѣмъ приступимъ къ изложенію самыхъ попытокъ къ соединенію церквей въ этотъ періодъ, постараемся сдѣлать коротенькій очеркъ обстоятельствъ, подготовившихъ окончательное распаденіе церквей въ XI вѣкѣ.

Обстоятельства, подготовившія раздѣленіе церквей, были двоякаго рода. Одни возникли на почвѣ давняго международнаго соперничества національностей греческой и латинской. На этой почвѣ, благодаря множеству благопріятствовавшихъ тому обстоятельствъ, сперва явилось соперничество между представителями восточной и западной церкви: константинопольскимъ патріархомъ и римскимъ папою, а потомъ непріязнь и между всѣмъ восточнымъ и западнымъ духовенствомъ, принявшимъ сторону своихъ представителей. Другаго рода причины скрывались въ различномъ направленіи церквей восточной и западной, въ слѣдствіе чего явились разности во взглядахъ, въ ученіи и въ учрежденіяхъ той и другой. Причины перваго рода нанесли ударъ искреннему, сердечному *единодушію*, а причины втораго рода—*единомыслію* въ отношеніяхъ между церквами.

1) Не придавая особенной первостепенной важности національнымъ предубѣжденіямъ и соперничеству, издавна существовавшимъ между греческимъ востокомъ и римскимъ западомъ, не считая ихъ прямыми причинами раздѣленія церквей, мы однакожъ не можемъ пройти ихъ совершеннымъ молчаніемъ, такъ какъ эти не совсѣмъ пріязненныя чувства, какія питали греки ко всему римскому и на оборотъ римляне ко всему греческому, служили очень удобною почвою для того, чтобы

въ послѣдствіи при содѣйствіи многихъ другихъ важныхъ обстоятельствъ, на этой почвѣ глубоко пустили корни, развились, созрѣли и принесли свои плоды сѣмена церковнаго раздора. Еще за долго до Р. Хр. началось соперничество греческаго и латинскаго племени за господство и преобладаніе. Внѣшнее преобладаніе оставалось всегда на сторонѣ римлянъ, внутреннее—интеллектуальное на сторонѣ грековъ. Римляне смотрѣли на грековъ, какъ на подчиненныхъ себѣ, какъ на существа ниже себя, а греки на римлянъ, какъ на варваровъ и притѣснителей, какъ на грубую, необразованную силу (1). На всемъ западѣ отъ Адріатическаго моря до океана чувствовалось господство и преобладаніе римскаго племени, на всемъ востокѣ отъ Адріатическаго моря до Евфрата и Инда—греческаго племени. Разность была во всемъ: и въ языкѣ и въ нравахъ, и въ цивилизаціи. И эту разность не могли сгладить всѣ усилія римскихъ императоровъ. Не смотря на всѣ усилія послѣднихъ сдѣлать римскій языкъ вездѣ господствующимъ, они никогда не могли достичь того, чтобы на востокѣ говорили полатинѣ; большимъ уваженіемъ пользовался греческій языкъ на западѣ, но все-таки онъ никогда не могъ сдѣлаться господствующимъ,

(1) Извѣстный римскій способъ обращенія съ завоевываемыми странами и множество злоупотребленій въ римскомъ управленіи завоеванными уже провинціями—все это не могло конечно содѣйствовать сближенію, взаимности двухъ народностей, побѣдителей и побѣжденныхъ. При завоеваніи Греціи, вѣками собранныя сокровища богатыхъ греческихъ городовъ и государствъ—Сиракузъ, Тирсита, Епира, Македоніи, южной Греціи, Кипра, Пергама, Сиріи,—были вывезены въ Римъ и пошли на удовлетвореніе армія, черни, сенаторовъ и полководцевъ. И въ послѣдующее время римляне не задумывались брать въ покоренныхъ странахъ все, что имъ вздумается и когда вздумается. Проконсулы, управлявшіе провинціями, поступали точно такимъ же образомъ.

встрѣчая себѣ сильную оппозицію въ римскихъ патріотахъ, подобныхъ Катону, ненавидѣвшему все греческое, начиная съ языка. Чувство взаимной антипатіи въ этихъ двухъ народностяхъ было слишкомъ сильно, національной гордости у того и другаго народа было также слишкомъ много для того, чтобы не допустить обѣ народности не только до сліянія въ одну, но и до простыхъ дружественныхъ отношеній другъ къ другу. Какъ обыкновенно бываетъ въподобныхъ случаяхъ, оба народа были несправедливы другъ къ другу. Греки, напр., не допускали ни одной хорошей мысли въ римской литературѣ, которая бы не была, по ихъ мнѣнію, заимствована у нихъ (1). Римскіе поэты, ораторы, историки, каковы напр. Цицеронъ, Плавтъ, Виргилій, Ювеналъ, Плиній, Тацитъ съ своей стороны изощряли свое остроуміе въ насмѣшкахъ надъ греками.—Въ такомъ положеніи находились взаимныя отношенія между римскимъ западомъ и греческимъ востокомъ, когда совершилось весьма важное для международныхъ отношеній событіе: столица имперіи перенесена Константиномъ В. (325 г.) во вновь построенный имъ Константинополь. Это событіе не только не улучшило взаимныхъ отношеній между двумя главнѣйшими народностями тогдашняго міра, но еще способствовало болѣе широкому развитію непріязненныхъ чувствъ взаимнаго между ними соперничества. Съ перенесеніемъ столицы на греческій востокъ, послѣдній почувствовалъ себя наконецъ освобожденнымъ отъ такъ долго тяготѣвшаго надъ нимъ рабства и униженія; мало того онъ началъ сознавать себя господиномъ запада, хотя и не надолго. Скоро по смерти К. В. оконча-

(1) Strabo Geogr. 3. Paris 1853.

тельно образовалась отдѣльная имперія на западѣ (395 г.); но и тогда у востока оставалось все-таки по крайней мѣрѣ сознаніе совершеннаго равенства съ римскимъ западомъ. Какъ всегда бываетъ съ людьми, долго терпѣвшими униженіе, это сознаніе дѣлалось нѣсколько преувеличеннымъ, ревниво охраняющимъ свои права, гордымъ. Константинополь сдѣлался для востока предметомъ гордости; съ этимъ городомъ греческій народъ навсегда соединилъ всѣ свои надежды и мечты (1). Константинополь, если можно такъ выразиться, сталъ больнымъ мѣстомъ у грековъ, прикасаться къ которому особенно римскому западу было опасно. Римскому же западу было трудно отказаться отъ прежнихъ чувствъ пренебреженія, неуваженія къ востоку. Чувство зависти къ возраставшему могуществу Константинополя только усиливало прежнія его чувства къ грекамъ. На Константинополь Римъ началъ смотрѣть, какъ на ничтожное мѣстечко, обнаруживавшее однакожъ претензіи на одинаковое къ себѣ уваженіе наравнѣ съ нимъ, столицею міра, городомъ прославленнымъ во всемъ мірѣ. Слава и величіе Рима всегда были предметомъ самымъ близкимъ сердцу римлянъ, а теперь съ возвышеніемъ Константинополя — особенно, еще болѣе, чѣмъ прежде. Итакъ чувство соперничества между востокомъ и западомъ со времени основанія Константинополя усилилось.—Вскорѣ послѣ возвышенія Константинополя Римъ началъ клониться къ паденію. Чѣмъ слабѣе становился Римъ, чѣмъ болѣе трепеталъ онъ за свою славу, тѣмъ дороже ста-

(1) Отсюда разсказы древнихъ историковъ (Созом. II, 3. Зосим. 13, 3) о различныхъ чудесахъ, сопровождавшихъ основаніе Константинополя. Отсюда увѣренность въ вѣчномъ существованіи города, явившаяся у грековъ въ средніе вѣка въ слѣдствіе многочисленныхъ легендъ о его построеніи.

новилась для него послѣдняя и тѣмъ шире разрасталось у него чувство ревности къ своему сопернику. Римъ терпѣлъ крайнее униженіе въ войнахъ съ германскими племенами, нападавшими на имперію. Но верхомъ униженія для него было то, что онъ принужденъ былъ въ трудныхъ своихъ обстоятельствахъ искать помощи у своего соперника—Константинополя. А между тѣмъ востокъ самъ былъ слабъ, не смотря на свою гордость; онъ не могъ помочь западу. Онъ не въ состояніи былъ воспользоваться благопріятной минутой, чтобы доказать всему міру, что новый Римъ достоинъ стать наравнѣ съ древнимъ по своимъ доблестямъ и заставить чрезъ то западныхъ недоброжелателей относиться къ себѣ съ уваженіемъ и съ благодарностію. Мало того востокъ положительно вредилъ западу. Извѣстенъ фактъ: императоръ Зенонъ самъ указалъ варварамъ (Остъ-Готамъ) на Италію, какъ на вѣрную добычу, которую дѣйствительно Остъ-Готы и завоевали. Такія отношенія не могли, конечно, содѣйствовать искорененію старой непріязни между западомъ и востокомъ. Застарѣлое неуваженіе запада къ востоку должно было получить еще новую силу при доказанной самими событіями слабости восточной имперіи, при поразительномъ несоотвѣтствіи ея гордости и претензій съ ея силами. А недоброжелательство ея къ родственной ей западной имперіи естественно должно было сопровождаться, кромѣ потери уваженія, еще и положительными враждебными отношеніями запада къ востоку. Въ свою очередь и на востокѣ не могли питать уваженія и сочувствія къ разрушившейся имперіи, къ слабымъ потомкамъ древнихъ римлянъ, которые однакожъ продолжали считать себя по прежнему первою націею въ мірѣ, хотя въ настоящемъ ничто не

давало имъ на то права. Итакъ и бѣдственныя для западной имперіи времена нисколько не сблизили востокъ и западъ. — Въ VI в. однакожъ обстоятельства разъ приняли такой оборотъ, что будь восточная имперія посильнѣе и повеликодушнѣе, взаимныя отношенія между обѣими сторонами могли бы значительно улучшиться. Побѣды Велизарія надъ призванными восточными же императорами въ Италію Остъ-Готами положили начало господству восточныхъ императоровъ въ Италіи. Изъ завоеванныхъ земель основанъ экзархатъ въ видѣ одной изъ провинцій восточной имперіи. Восточные императоры не въ силахъ были, а кромѣ того и не хотѣли, быть можетъ, вполнѣ возстановить западную имперію и тѣмъ заслужить себѣ благодарность и уваженіе западнаго міра. Кончилось тѣмъ, что господство грековъ въ Италіи еще разъ привело въ ближайшее столкновеніе двѣ, издавна не питавшія другъ къ другу симпатіи народности, и только дало Италіи случай взвѣсить сравнительную тяжесть ига греческаго и варварскихъ народовъ. Сравненіе оказалось далеко не въ пользу господства грековъ. Съ этихъ поръ взоры римскаго запада окончательно обратились на варварскіе народы; между ними сталъ искать Римъ себѣ покровителей и защитниковъ отъ другихъ народовъ и отъ господствовавшей въ то время анархіи. Такихъ защитниковъ Италія вскорѣ и нашла себѣ во Франкахъ и ихъ королихъ. Такимъ обрразомъ можно сказать, что народная связь порвалась между востокомъ и западомъ еще ранѣе, чѣмъ религіозная, именно съ того времени, какъ въ силу историческихъ обстоятельствъ они выведены были изъ необходимости, не смотря на отсутствіе взаимнаго сочувствія, тяготѣть однакожъ другъ къ другу,

волею или неволею находиться въ ближайшихъ взаимныхъ отношеніяхъ,—съ тѣхъ поръ, какъ востокъ и западъ стали жить совершенно отдѣльною жизнію, имѣя свои надежды, отдѣльные центры тяготѣнія и пр. Конечно, всѣхъ этихъ обстоятельствъ еще было весьма недостаточно для того, чтобы произвести церковный разрывъ, но они могли служить важнымъ подготовительнымъ средствомъ къ его появленію; они способствовали политическому и нравственному раъединенію народныхъ массъ; они много содѣйствовали появленію и усиленію несогласій и раздоровъ въ средѣ іерархіи восточной и западной.

Антагонизмъ высшаго духовенства восточнаго и западнаго возникъ на почвѣ народнаго антагонизма. Замѣчательно, что раздоры между іерархіей востока и запада съ особенною силою заявляютъ себя со временъ возвышенія Константинополя на степень новой столицы, новаго Рима (1). Давнее раздраженіе, существовавшее между востокомъ и западомъ, и неоднократно заявлявшее себя и прежде въ сферѣ церковныхъ отношеній (2),

(1) Правда и прежде не разъ возникали неудовольствія между востокомъ и западомъ — именно по поводу празднованія Пасхи во II и III в. римскіе папы съ высокомѣріемъ относились къ востоку (Викторъ I и Стефанъ III); восточные епископы (Иринеи, Кипріанъ, Фирмиліанъ и др.) и цѣлые соборы (Аѳринанскій и Каппадокійскій) жаловались на западную гордость. Но то были только зародыши будущаго антагонизма между іерархіею востока и запада. Евсев. ист. кн. V, гл. 24. Ист. патр. Досиѳ. кн. 1. гл. 16 и 17.

(2) Въ періодъ отъ построенія Константинополя до Халкидонскаго собора уже довольно явно обнаружились—недостатокъ сочувствія и холодность въ отношеніяхъ запада къ востоку. Утомленные безконечными спорами и распрями по случаю ар̀іанской ереси восточные отцы обратились за помощію къ западу, но встрѣтили тамъ такое безучастіе къ бѣдствіямъ востока, что Василій В. принужденъ былъ съ горечью жаловаться на западную гордость; тоже высказывали и другіе вост. отцы

наконецъ въ V в. выразилось въ ясныхъ положительныхъ формахъ, въ формахъ борьбы изъ-за взаимныхъ правъ римскаго папы и константинопольскаго патріарха, начавшейся со времени IV Халкидонскаго собора (451 г.). Непріязненныя между ними отношенія, начавшіяся въ это время и продолжавшіяся до окончательнаго раздѣленія церквей въ XI в., отличались неодинаковымъ характеромъ въ первую и вторую половину этого періода. Въ первую половину (до VIII в.) они еще не достигли той степени напряженія, какую пріобрѣли въ послѣднюю (VIII—XI в.), хотя и заявили себя оскорбительнымъ образомъ.

Римскіе папы начинали уже довольно сильно стремиться въ первую половину этого періода къ главенству надъ всею церковію и потому не хотѣли никого признавать себѣ равнымъ. Константинопольскіе же епископы считали себя равными папѣ, уступая ему только право первенства.—Римскіе папы, надмѣнные величіемъ Рима, столицы міра, гордясь далѣе тѣмъ, что они преемники первоверховнаго ап. Петра, не могли никакъ примириться съ мыслію, что кто нибудь могъ быть имъ равенъ. Обстоятельства благопріятствовали имъ укрѣпиться въ этой мысли. Еще когда были императоры на западѣ, они почти совершенно вышли изъ-подъ вліянія послѣднихъ, благодаря тому обстоятельству, что послѣдніе императоры жили большею частію въ Равеннѣ и Медіоланѣ; когда западная римская имперія пала и Римъ находился во власти или новыхъ германскихъ народовъ или восточнаго императора (съ VI в.), недостатокъ постоянной и прочной власти много способствовалъ незави-

бывшіе на II всел. соб. См. письм. 66 въ Тв. Св. Отц. X, 177—178. Theodoret. lib. V. c. 8, 9.

висимости папъ. Такимъ образомъ во все время отъ V до VIII в. папы были совершенно почти самостоятельными, независимыми и могли на просторѣ предаваться своимъ честолюбивымъ мечтамъ. Мало того они въ этотъ періодъ пріобрѣли дѣйствительно огромное вліяніе на западѣ. Ихъ вліяніе отражалось не только на римлянахъ, но и на самихъ варварахъ; они нерѣдко являлись спасителями Рима отъ варваровъ, какъ это видимъ въ примѣрѣ Льва и Григорія Великихъ; почему на папъ устремлены были взоры всего запада болѣе, чѣмъ на самихъ императоровъ. Даже востокъ въ эту эпоху не мало былъ обязанъ Риму и папамъ; папы всегда сохраняли строгое православіе; во время свирѣпствовавшихъ на востокѣ ересей, когда почти весь востокъ, начиная съ императоровъ и патріарховъ, былъ наполненъ еретиками, Римъ оставался единственнымъ убѣжищемъ отъ гоненій и смутъ религіозныхъ.—Не удивительно послѣ всего этого, что римскіе папы, гордые величіемъ Рима и преемствомъ своей власти отъ ап. Петра, независимые отъ свѣтской власти, пользовавшіеся огромнымъ вліяніемъ не только на западѣ, но отчасти и на востокѣ, всегда православные, съ высокомѣріемъ смотрѣли на константинопольскихъ патріарховъ, отнюдь не считая ихъ себѣ равными. Послѣдніе представлялись папамъ 1) епископами новаго города, бывшаго такъ еще недавно незначительнымъ мѣстечкомъ, неосвященнаго кромѣ того пребываніемъ въ немъ не только первоверховнаго, но и никакого Апостола, 2) епископами незначительной территоріи (такъ какъ на востокѣ кромѣ Константинополя были еще другіе патріархи: Александр., Антіох. и Іерусал.); 3) далеко не имѣвшими даже въ своей собственной небольшой патріархіи, благодаря своей зависи-